

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНТРАСТА И ЭМФАЗЫ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ИМПЛИЦИТНЫХ СМЫСЛОВ

Савинич Л. В. (savinitch@iitp.ru)

Институт проблем передачи информации
им. А. А. Харкевича РАН, Москва, Россия

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, контраст, эмфаза, импликация

USE OF CONTRAST AND EMPHASIS FOR CONVEYING IMPLICIT MEANINGS

Savinitch L. V. (savinitch@iitp.ru)

A. A. Kharkevich Institute for Information Transmission Problems
RAS, Moscow, Russia

The paper analyzes contrast and emphasis, modifiers of communicative meanings, their semantics and accent structure in the sentences examined. We argue that contrastive and emphatic highlighting of one of the utterances components in the given examples are made by the speakers strategically, in order to convey occasional implicit meanings. All examples are illustrated with graphs displaying tone fluctuations, sound intensity, modulation of sound, and other prosodic features.

Key words: communicative strategy, contrast, emphasis, implication

Исследуя особенности судебного дискурса, мы обратили внимание на различное просодическое оформление говорящим идентичных компонентов высказывания: сначала — без контрастного выделения, затем — с контрастом. Возник вопрос: делалось ли акцентное выделение случайно или стратегически осознанно, то есть для выражения определённого коммуникативного намерения говорящего? Если стратегически осознанно, то с какой целью? Таким образом, возникла задача данного анализа: в рассматриваемых высказываниях определить коммуникативные стратегии говорящего, исследовав семантику акцентов, просодические характеристики словоформ-акцентоносителей, акцентную структуру предложения.

Прежде, чем приступить к анализу наших примеров, мы приведём определение коммуникативной стратегии в теории речевых актов. «Коммуникативная стратегия говорящего состоит в выборе коммуникативных намерений, распределении квантов информации по коммуникативным составляющим и выборе порядка следования коммуникативных составляющих в предложении» [Янко 2001: 38]. Этой же проблеме посвящена работа [Бергельсон, Кибрик 1987: 52–63], в которой рассматриваются приоритетные стратегии, являющиеся механизмом текстообразования. Данные механизмы выборов осуществляют формирование высказывания, выделяя коммуникативно более значимые компоненты смысла и ослабляя менее важные. В другой работе на данную тему [Всеволодова, Яценко 2008: 11–14.] анализируется «комплекс коммуникативных задач» в процессе вербализации ситуации.

Коммуникативные стратегии говорящих реализуются в структурах носителей коммуникативных значений и могут выражать намерения говорящих сделать сообщение, задать вопрос, высказать просьбу, отдать приказ и другие. В данной статье будет рассматриваться роль модифицирующих коммуникативных значений, которые не относятся к категории основных иллокутивных значений (как сообщение, вопрос, просьба, мольба), а только модифицируют основные типы иллокуций и их коммуникативных компонентов. К таким модификаторам относятся контраст, верификативное, или да-нет, значение и эмфаза. Их семантика и акцентная структура подробно описаны в [Янко 2001; 2008; эмфаза — в Фаустова 2009]. Мы рассматриваем только два из них — контраст и эмфазу.

1. Характеристика словоформ-акцентоносителей

Наш первый пример относится к области юриспруденции и записан на аудионоситель во время выступления в суде государственного обвинителя. Текст зачитываемого обвинения подготовлен прокурором по установленному канону: пример начинается с лаконичной формулировки происшедшего события; затем следует описательная часть — детальное изложение происшествия в хронологическом порядке; в завершении событие квалифицируется в соответствии с существующим законодательством. Нас будет интересовать только предложение в заголовочной части, которое формулирует основной состав преступления:

- (1) *Торлосúнов* > *Алимбек*¹ > обвиняется в том, что он применил насилие, не опасное для жизни и здоровья, > в отношении представителя власти > > и с исполнением им своих должностных обязанностей >.

В этом примере полужирным шрифтом выделены словоформы — акцентоносители коммуникативных значений; изменение частоты основного тона отмечено стрелками, которые в примерах расположены после словоформы-акцентоносителя; физические параметры записи представлены на двух панелях ниже, которые мы условно называем тонограммой (см. Тонограмму 1). Верхняя панель представляет собой осциллограмму, или преобразованный в машинную форму след, который оставляет на материале, (например, на бумаге) игла, возбуждённая звуковыми волнами. Осциллограмма отражает структуру слога и паузы в пределах анализируемого предложения; собственно тонограмма, представленная на нижней панели фиксирует изменения частоты основного тона в герцах, воспринимаемые как понижения и повышения тона и их комбинации.

Мы не будем останавливаться на принципах выбора акцентоносителей (об этом см. [Янко 2001: 69–84; Янко 2008: 38–60; Кодзасов 1999: 196–216; Кодзасов 2009: 73–93]). Мы только охарактеризуем все носители акцентов в анализируемом примере и укажем их некоторые просодические характеристики.

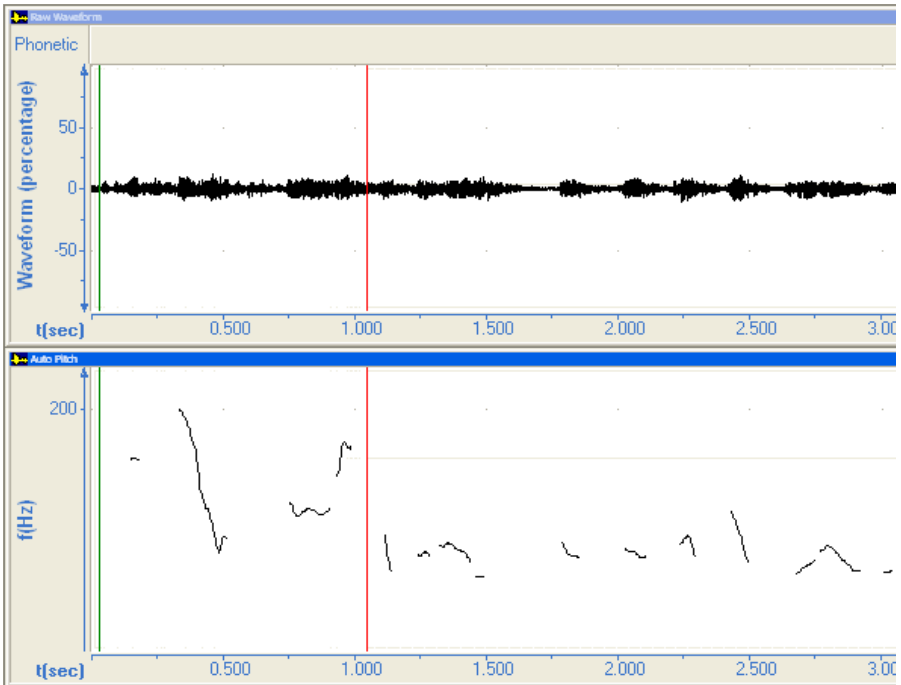
В начале предложения носителями акцентов служат два компонента имени собственного *Торлосúнов* > *Алимбек* > (Причём, в судебном дискурсе именно данная последовательность «фамилия–имя» или «фамилия–имя–отчество» является канонической.) Первый акцентоноситель этой группы выражен словоформой *Торлосúнов* > с нисходящей интонацией по типу ИК-2², характеризующейся более интенсивным падением тона на ударном слоге, чем у ИК-1, и подъёмом тона на предударных слогах, если они есть, что и обеспечивает крутое падение на ударном слоге, как зафиксировано на начальном фрагменте Тонограммы 1, ограниченного курсорами. (Описание интонационной конструкции ИК-2 см. в работах [Брызгунова 1980: 98–111; Янко 2008: 32, 189]. Об экспансии акцента ИК-2 и характерном его использовании в речи лекторов и дикторов см. в [Янко 2004].)

Второй акцентоноситель выражен словоформой *Алимбек* > и произносится с повышением тона на последнем ударном слоге по типу ИК-3, маркируя тему высказывания. Это повышение отчётливо видно на нижней панели Тонограммы 1 перед вторым курсором.

¹ Для соблюдения этики анализа звучащих записей мы заменили имена собственные на вымышленные с сохранением фонетическо-акцентной структуры.

² Обозначение интонационных конструкций представлено в формулировке Е. А. Брызгуновой [Брызгунова 1980].

Тонограмма 1

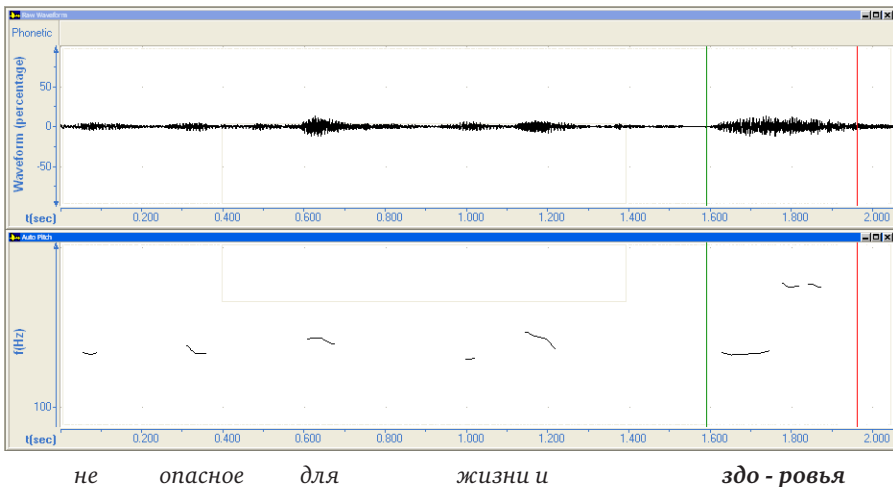
Торлосунув Алимбек...

Следующая, третья, словоформа-акцентоноситель *здоровья* является членом атрибутивной группы *не опасное для жизни и здоровья*. Она произносится с подъёмом тона на ударном слоге и падением на заударной части по типу ИК-3. Восходящая интонация ИК-3 в данном случае является восходящим акцентом незавершенности, то есть выполняет не локальную, или относящуюся к формированию отдельного речевого акта, а дискурсивную функцию [Янко 2008: 128–170]. Иными словами повышение интонации на данном акцентоносителе не маркирует одну из коммуникативных составляющих, например тему, как на словоформе *Алимбек*, а обеспечивает связность дискурса, то есть указывает, что данный фрагмент текста не последний, и за ним следует продолжение.

На нижнем графе Тонограммы 2 зафиксирован лёгкий подъём тона на ударном слоге *-ро-* (к сожалению, из-за быстрого темпа речи последний слог *-вья* произносится неотчётливо). Обратим внимание, что вся предшествующая акцентоносителю часть, как это наглядно зафиксировано на тонограмме, произносится практически на одном ровном тоне, без резких частотных колебаний.

Четвёртый акцентоноситель, словоформа *власти*, произносится с понижением тона на ударном слоге и повышением на заударном слоге, по типу ИК-4, являясь акцентом незавершённости текста. И наконец, последний, пятый, акцентоноситель в данном предложении — словоформа *обязанностей* — произносится с понижением тона на ударном слоге и последующих заударных слогах по типу ИК-1, маркируя конец предложения.

Тонограмма 2

Таким образом, в процитированном отрывке из выступления государственного обвинителя мы представили некоторые просодические характеристики словоформ-акцентоносителей, обозначили коммуникативные составляющие данного предложения и можем заключить, что основной коммуникативной стратегией прокурора было выступить с сообщением о факте происшествия.

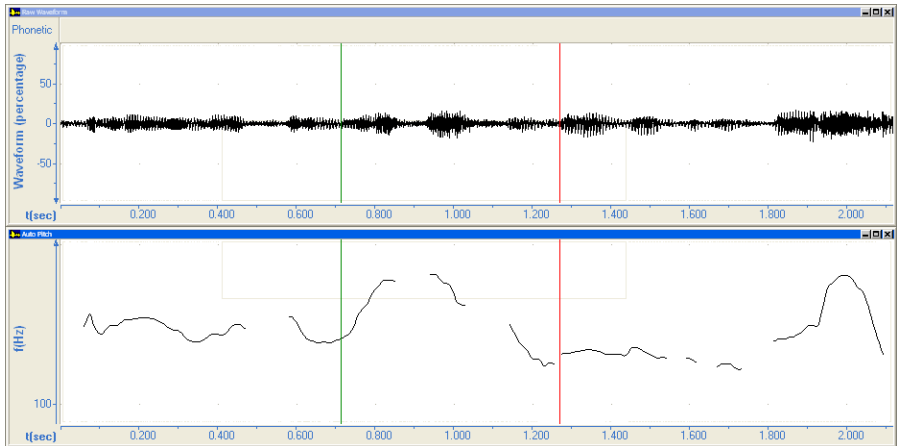
2. Характеристика контрастного выделения акцентоносителя

При зачитывании описательной части совершённого преступления, государственный обвинитель ещё раз повторил произнесённую ранее атрибутивную группу *насилие, не опасное для жизни и здоровья*, но уже иначе расставляя коммуникативно релевантные акценты:

(2) ...насилие, *не опасное* для жизни и *здоровья* —

с отчётливым акцентным выделением постпозитивного прилагательного *не опасное*, повышением тона на его предупредных слогах и падением на ударном и заударных слогах по типу ИК-2, как зафиксировано на Тонограмме 3 между курсорами. (Безударная словоформа *не*, являясь проклитикой, составляет одно фонетическое слово с последующим прилагательным и имеет с ним одно ударение.)

Тонограмма 3

не о-пас-ное↘ для жизни и здоровья↗

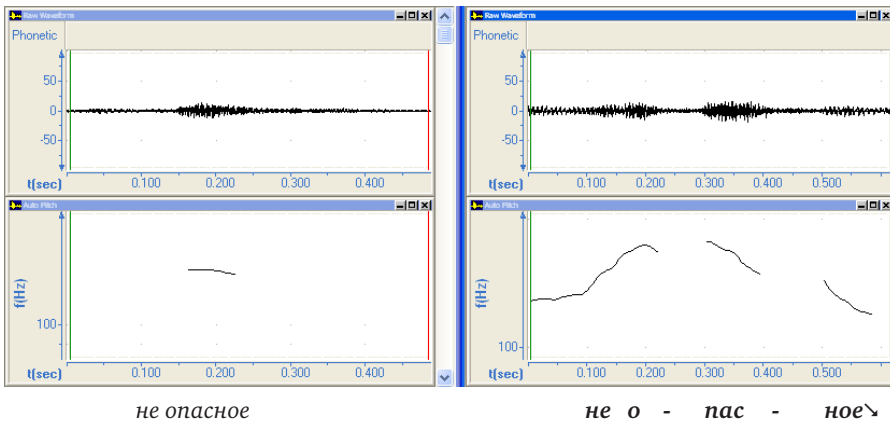
В последнем варианте новый акцент модифицирует значение коммуникативной рематической составляющей и приобретает новое значение — контраста.

Семантика контраста в данном примере связана с мысленной процедурой выбора из множества вариантов, ассоциирующихся с интонационно выделенным компонентом и известных собеседникам [Янко 2001: 47]³. Эта же мысль высказана в другой работе, в которой контраст характеризуется «способностью соотносить содержание соответствующих высказываний с некоторым концептуальным множеством, по определённым правилам выводимым с учётом как содержания высказывания, так и различного рода знаний» [Паршин 1988: 10]. В нашем случае это множество может ограничиваться, например, вариантами: *не опасное vs. опасное*.

Просодическое выражение контрастной ремы с контрастом на прилагательном, как зафиксировано на графике правой нижней панели Тонограммы 4, существенно отличается от неконтрастного варианта на графике левой нижней панели.

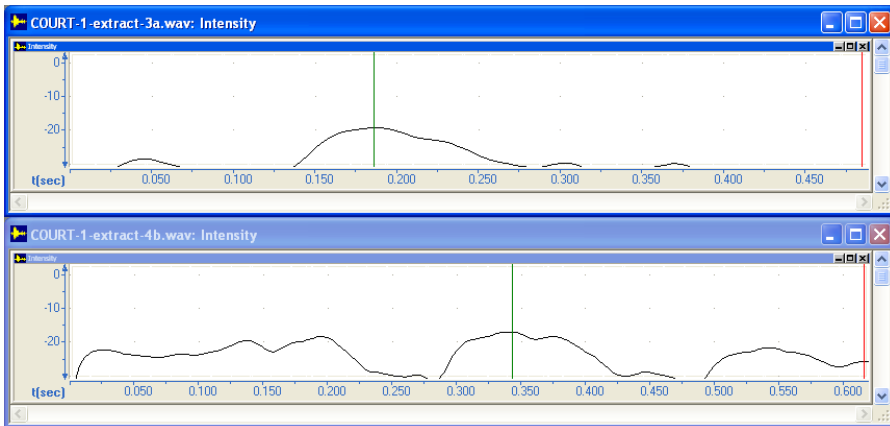
³ Мы не останавливаемся на других примерах контрастов, имеющих инклюзивное значение и значение опровержения. [см. Янко, 2001: 47]

Тонограмма 4

На следующих ниже графиках интенсивности — акустического коррелята громкости — иллюстрируется интенсивность звука обоих вариантов. На верхней панели, в варианте с неконтрастным компонентом, пик интенсивности на словоформе *не опасное*, отмеченный курсором, равен $-19,4$ децибела. На графике нижней панели, представляющем контрастный релативный компонент, пик интенсивности на акцентоносителе *не опасное* составляет -17 децибел. (Поясним эти цифры: абсолютная величина числа $|19,4|$ больше абсолютной величины $|17|$, но эти числа со знаком минус, поэтому отрицательное число $-19,4$ меньше отрицательного числа -17 , то есть контрастный вариант звучит громче.)⁴

Графики интенсивности

⁴ Следует также пояснить, почему данные величины приводятся со знаком минус. Децибел (дБ) — логарифмическая единица отношения сигнала приёмника (воспринимаемого сигнала) к сигналу источника (посылаемого сигнала). Если сигнал приёмника меньше сигнала источника, то в данном случае мы получаем отрицательное значение децибела.

При этом отчётливо видно, что и предударный, и заударный сегменты акцентоносителя контраста (нижняя панель) также произносятся с повышенной интенсивностью тона по сравнению с аналогичными фазами неконтрастного варианта (верхняя панель). Помимо этого, наблюдается заметное увеличение длительности предударной части акцентоносителя контраста, поэтому курсоры, показывающие максимальное значение интенсивности, не совпадают.

Таким образом, во втором примере наблюдается стратегически осмысленное выделение коммуникативно значимого компонента предложения с целью, как указывалось выше, констатировать сделанный выбор из множества вариантов, ассоциирующихся с интонационно выделенным компонентом и известным собеседникам. (В нашем случае это два противопоставленных варианта: *не опасное vs. опасное*.) Между тем, мы полагаем, что в использовании коммуникативной стратегии имеется и другой, возможно, более существенный аспект: прокурор имплицитно оценивает, имплицитно квалифицирует совершённое преступление в соответствии с действующим законодательством. Подтверждает последний тезис прежде всего соотнесение с законодательным документом, из которого процитирована упомянутая атрибутивная конструкция и в соответствии с которым законом предусмотрены надлежащие меры воздействия.⁵

3. Эмфаза как модификатор коммуникативного значения

Наш следующий пример относится к эмфатическому выделению коммуникативного компонента.

Эмфаза (от греч. *ἐμφασις* — разъяснение, указание, выразительность) — это выделение важной в смысловом отношении части высказывания (группы слов, слова или части слова), обеспечивающее *экспрессивность* речи⁶. Экспрессивность тесно связана с категорией эмоциональной оценки и в целом с выражением эмоций у человека. В то же время некоторые лингвисты утверждают, что не следует отождествлять эти категории. Экспрессивность — более широкое понятие, чем эмотивность, способная в ряде случаев занимать доминирующее положение в категории экспрессивности. Однако в языке существуют средства, которые имеют своей целью логически выделить определённые ча-

⁵ См.: Уголовный Кодекс Российской Федерации.

Статья 318. Применение насилия в отношении представителя власти.

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей — наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет.
2. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи, — наказывается лишением свободы на срок до десяти лет.

⁶ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

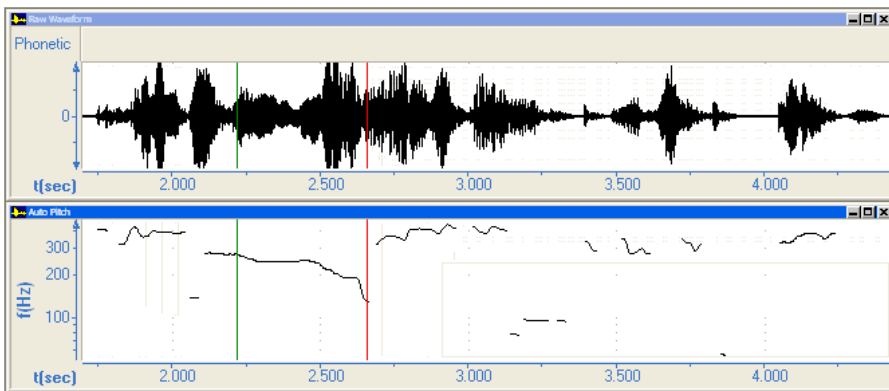
сти высказывания и которые не вызывают никаких чувств, но только служат цели вербальной актуализации высказывания [Galperin, 1977: 26–27].

Исследование коммуникативного значения эмфазы, коммуникативные задачи, которые она призвана решать, а также средства её выражения содержатся в работах [Янко 2001: 64–67; 2008: 83–97; Фаустова 2006: 255–259, 2009: 96–101].

Наш следующий пример взят из записанного на аудионоситель чтения отрывка из художественного произведения в исполнении профессионального артиста, т.е. воспроизведение осуществляется, как и в первом примере, в «режиме озвучивания письменного текста». Возможно, для более полного понимания интересующего нас предложения, следует привести предшествующий ему текст.

- (3) <<Диктатор, не привычный к капризам примадонн, начал проявлять нетерпение. Он послал своего адъютанта передать антрепренёру, что, если занавес не будет сию же минуту поднят, всю труппу незамедлительно отправят в тюрьму. Хотя мысль о необходимости прибегнуть к таким мерам наполняет скорбью сердце президента.>
В Макуто ↪ *уме-е-ли* ↘ заставить *пти-чек* *пе - ть*...>

Тонограмма 5

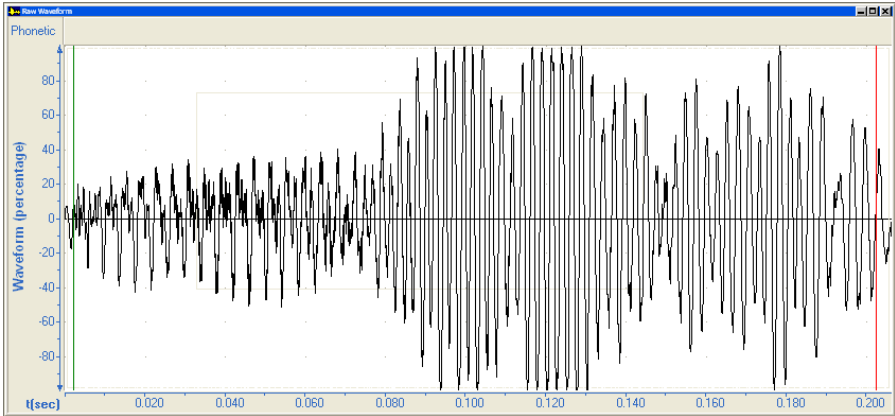

В Макуто ↪ *уме-е-ли* ↘ заставить *пти-чек* *пе - ть*.

Рассмотрим словоформы-акцентоносители последнего предложения. Первая из них, **В Макуто** ↪ характеризуется восходящей интонацией на ударном слоге по типу ИК-6, маркируя тему предложения, так как название места действия, упоминавшееся ранее, уже известно слушателю. Акцент ИК-6 является «фонетическим вариантом» акцента ИК-3, но только при выражении темы высказывания. Отличие двух коммуникативно релевантных акцентов ИК-3 и ИК-6, которые оба характеризуются повышением частоты основного тона на ударном слоге акцентоносителя, состоит в том, что при акценте ИК-3 наблюдается падение тона на заударных слогах, а при акценте ИК-6 продолжается ровное движение тона после ударного слога, что отчётливо видно на нижнем графе Тонограммы 5 перед первым курсором.

Следующий акцентоноситель — словоформа *умели*⁷ является компонентом рематической составляющей и произносится с понижением тона на ударном слоге по типу ИК-1-Э⁷. При этом наблюдается существенное удлинение ударного гласного словоформы, зафиксированное на графике тонограммы нижней панели. Долгота звучания слога составляет 0,14 сек. Ударный слог *-ме*-акцентоносителя представлен на Осциллограмме 1.

Осциллограмма 1

Слева, в начальной фазе слога, осциллограмма с меньшим диапазоном колебаний фиксирует процесс образования губной смычки на звуке [м']. В дальнейшем диапазон частот увеличивается, однако пики колебаний то возрастают, то уменьшаются, обозначая своим контуром воображаемую волнистую линию. Эти перепады на слух воспринимаются как тоновые модуляции в пределах звучащего гласного [е]. На нижней панели Тонотомы 5 виден едва заметный изгиб тонограммы с лёгким подъёмом, плавным снижением и падением на заударном слоге *-ли*. Такая модуляция тона в пределах одного продлённого ударного слога создаёт экспрессивность звучания.

В эмфатическом коммуникативном компоненте эмфатический акцент наблюдается не только на акцентоносителе, но и на других словоформах эмфатической коммуникативной составляющей, причём на акцентоносителе акцент наиболее интенсивный. Так, отмечается явление аспирации смычных согласных фонем [п], [т], [ч] в двух последних словоформах (*птичек не-ть*) и увеличение интенсивности их звучания. Выразительность эмфазы поддерживается также лексическим способом — метафорическим переносом (*птичек* — 'певец'). И наконец, для большей экспрессии артист выдерживает длительную паузу перед последней словоформой *петь*, длящуюся 0,14 секунд, что зафиксировано на осциллограмме верхней панели Тонотомы 5.

⁷ Данное обозначение заимствовано из [Янко 2001: 64]. Акцентным выражением эмфазы служит эмфатический коррелят акцента ИК-1.

Как подтверждает проведённый анализ, интонационное выделение компонента предложения маркирует эмфазу на акцентоносителе рематической составляющей. При этом модифицированный компонент коммуникативной составляющей служит не для выражения чувств говорящего, как часто наблюдается при эмфазе, а именно для логического выделения коммуникативно значимого компонента предложения и в конечном итоге с намерением передачи имплицитного смысла — намёка на используемые противоправные меры.

Заключение

Подытоживая проведённый анализ, можно сделать вывод, что контраст и эмфаза, произнесённые с понижением тона на ударных и последующим падением на заударных слогах, были употреблены не только для модификации основных иллокутивных значений — сообщения (в первом примере) и связного нарратива (во втором примере), — но использованы осмысленно, намеренно как импликаторы неявных смыслов [об импликации см.: Grice H. P. 1975: 41–58; Грайс Г. П. 1985: 217–237].

Так, в первом примере из судебного заседания государственный обвинитель первоначально сообщает о случившемся происшествии, употребляя атрибутивную конструкцию *насилие, не опасное для жизни и здоровья*⁷. Конструкция прочитана ровным тоном, с восходящим акцентом на последнем компоненте. В данном случае восходящий акцент является акцентом незавершенности, обеспечивая связность дискурса. В дальнейшем, при повторном прочтении этой же конструкции, прокурор, как ожидается, мог бы произнести её аналогично первому варианту, без изменения интонационного контура. Однако говорящий, стратегически осознанно, акцентно выделяет ещё один компонент атрибутивной группы: *...насилие, не опасное для жизни и здоровья*⁷, тем самым модифицируя его первоначальное значение в новое значение контраста. Семантика контраста, как описано выше, связана с мысленной процедурой выбора из множества вариантов, ассоциирующихся с интонационно выделенным. Атрибутивная конструкция процитирована прокурором из действующего Уголовного Кодекса. Таким образом, говорящий имплицитно, что в статье Уголовного Кодекса предусмотрены варианты взысканий для лиц, совершивших подобного рода правонарушения. Эти варианты различаются в зависимости от причинённого потерпевшему вреда: «не опасного для жизни и здоровья» и «опасного для жизни и здоровья». Выделяя акцентно один из вариантов, прокурор называет выбранную им альтернативу и указывает на предусмотренные Кодексом меры наказания.

Члены коллегиального суда, с большой вероятностью, знакомы и с действующим законодательством, и с имеющейся в статье Уголовного Кодекса альтернативой. Поэтому импликатура им будет понятна. С другой стороны, остальные присутствующие на заседании люди могут быть не знакомы ни с действующим законодательством, ни с мерами наказания за совершённое правонарушение, поэтому, возможно, не поймут смысла акцентного выделения компонента высказывания.

Во втором проанализированном примере эмфатическое выделение коммуникативно значимого компонента высказывания способствует его логическому выделению и в конечном итоге — к осмыслению его имплицитного содержания: применение властями противоправных мер.

Таким образом, по результатам анализа следует заключить, что контраст и эмфаза могут выступать не только как модификаторы коммуникативных значений, но также использоваться при передаче окказиональных имплицитных смыслов высказывания, тем самым расширяя число известных коммуникативных стратегий. Вопрос о том, вносит ли интонационное выделение компонента высказывания независимый вклад в интерпретацию высказывания при передаче имплицитных смыслов, пока остаётся гипотезой и требует дальнейших исследований.

Хотя, например, в английском языке имплицитный смысл высказывания может передаваться интонационно, при помощи падающей и далее восходящей интонации (*fall-rise intonation*) для выражения неуверенности, неопределённости [Ward G., Hirschberg J. 1985: 747–777].

Литература

1. Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. (1987) Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., с. 52–63.
2. Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980, с. 96–122.
3. Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Коммуникативные языковые механизмы. Коммуникативная структура предложения // Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М. Издательство ЛКИ, 2008, с. 6–26.
4. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985, с. 217–237.
5. Кодзасов С. В. Уровни, процессы и единицы в интонации // Проблемы фонетики. М.: Наука, 1999, с. 196–216.
6. Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
8. Паршин П. Б. Сопоставительное выделение как коммуникативная категория. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1988.
9. Фаустова Н. А. Эмфаза и её интонационное выражение // Вопросы филологии. М., 2006, № 6, с. 255–259.
10. Фаустова Н. А. Интонационное выражение иллокутивных значений (на материале русского, французского и английского языков. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 2009.
11. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
12. Янко Т. Е. Материалы к речевому портрету лектора и диктора. Элементы русской просодии // Семантика и прагматика языковых единиц. Е. А. Земская, А. Н. Еремин (ред.). Калуга, 2004.
13. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008.
14. Galperin I. R. Stylistics. Moscow: Higher School, 1977.
15. Grice H. P. Logic and conversation. Speech acts (Syntax and semantics. Vol. 3) ed. by Peter Cole & Jerry Morgan. New-York: Academic Press, 1975, с. 41–58.
16. Ward G., Hirschberg J. Implicating uncertainty: the Pragmatics of Fall-Rise Intonation // Language. Vol. 61, No 4, 1985, с. 747–777.

References

1. *Bergelson M. B., Kibrik A. E.* (1987) Pragmatic principle of priority and its reflection in language grammar [Pragmaticheskij printsip prioriteta i jego otrazhenije v grammatike jazyka]. Modelirovanije jazykovoj dejatelnosti v intellektualnyh systemah. Moscow, pp. 52–63.
2. *Bryzgunova E. A.* Intonation [Intonatsyja]. Russian grammar. Vol.1. Nauka, Moscow, 1980, pp. 96–122.
3. *Faustova N. A.* (2006) Emphasis and its intonation expressing [Emfaza i ejo intonatsionnoje vyrazhenije], Journal of Phylology [Voprosy filologii] No 6. Moscow, pp. 255–259.
4. *Faustova N. A.* Intonation expressing of illocutive meanings (on the examples from Russian, French, and English languages) [Intonatsyonnoje vyrazhenije illokutivnyh znachenij (na materiale russkogo, frantsuzskogo i anglijskogo jazykov)]. Ph.D. dissertation. Moscow, 2009.
5. *Galperin I. R.* (1977) Stylistics. Higher School, Moscow.
6. *Grice H. P.* (1975) Logic and conversation. Speech acts (Syntax and semantics. Vol. 3) ed. by Peter Cole & Jerry Morgan. New-York: Academic Press, pp. 41–58.
7. *Grice H. P.* (1985) Logic and conversation [Logika i rechevoje obzhchenije]. No-voje v zarubezhnoj lingvistike, XVI. Progress, Moscow, pp. 217–237.
8. *Janko T. E.* (2001) Russian speech communicative strategies [Kommunikativnyje strategii russkoj rechi]. Slavic cultures languages, Moscow.
9. *Janko T. E.* Materials for speech portrait of lecturer and announcer. Russian prosody elements [Materialy k rechevomu portretu lektora i dictora. Elementy russkoj prosodii]. Ed. E. A. Zemskaja, A. N. Eremin]. Kaluga, 2004.
10. *Janko T. E.* (2008) Russian speech intonation strategies in comparative aspect [Intonatsionnyje strategii russkoj rechi v sopostavitelnom aspecte]. Slavic culture languages, Moscow.
11. *Kodzasov S. V.* Levels, processes, and units in intonation [Urovni, protsessy i jedinitsy v intonatsii]. Problemy fonetiki], III. Nauka, Moscow, 1999, pp. 196–216.
12. *Kodzasov S. V.* (2009) Researches in the field of Russian prosody [Issledovanija v oblasti russkoj prosodii]. Slavic cultures languages, Moscow.
13. *Linguistic Encyclopedia.* (1990) Soviet Encyclopedia, Moscow.
14. *Parshin P. B.* Comparative singling out as a communicative category. Synopsis of theses. Moscow, 1988.
15. *Vsevolodova M. V. Jashchenko T. A.* Communicative language mechanisms. Communicative structure of sentence [Kommunikativnyje jazykovyje mehanizmy. Kommunikativnaja structura predlozhenija]. Prichinno-sledstvennyje otnoshenija v sovremennom russkom jazyke. LKI Publ., Moscow, 2008, pp. 6–26.
16. *Ward G., Hirschberg J.* (1985) Implicating uncertainty: the Pragmatics of Fall-Rise Intonation. Language. Vol. 61, No 4, pp. 747–777.